

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ ИСКУССТВА

Виктор МАСЛОВ

Доктор физико-математических наук, профессор, академик РАН.

Заслуженный профессор.

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики».

101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, д. 20;

e-mail: vpmaslov@hse.ru

ГЕНИЙ ХУДОЖНИКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЕГО МОДЕЛЕЙ

В эссе, состоящем из двух частей, анализируются женские образы двух великих художников Боттичелли и Пикассо. Эссе носит характер искусствоведческого исследования с мемуарными переплетениями.

В первой части автор делает попытку расшифровать гений Боттичелли, применяя приём анализа прообраза героини художника и сопоставления его с образом реальной женщины, похожей на модель Боттичелли. Гений художника раскрывается через созданный им тип, в некотором смысле — инвариант, прекрасной женщины, духовный и материальный образ которой повторяется в реальности. Энергетика полотен Боттичелли, составляющая их тайну, позволила автору увидеть в жизни реальную копию героини художника.

Используя архив сохранившихся личных писем прекрасной дамы, как бы сошедшей с полотен Боттичелли «Весна» и «Рождение Венеры», автор проводит аналогию эпистолярного наследия с кинематографом, когда события описываются не в строгом хронологическом порядке, а высвечиваются и масштабируются отдельные важные моменты и переживания. По письмам автор реконструирует характер своей героини и гипотетически переносит эти черты характера на модель Боттичелли, о характере которой почти не осталось никаких свидетельств.

Вторая часть эссе навеяна фотографией жены Пикассо Ольги Хохловой, сохранившейся в личном архиве друзей автора. Автор встраивает свой рассказ о музее и большой любви Пикассо и о его других парадоксальных моделях в обстоятельства своей личной жизни, в обстановку своей молодости, сопоставляя революционные перемены в искусстве начала XX в. с настроениями представителей художественной интеллигенции 70-х гг. прошлого века. Героини Пикассо и странные переплетения судьбы участников повествования автора составляют содержание этой части эссе.

Ключевые слова: Боттичелли, гений художника, художественный тип, энергетика произведения, эпистолярный стиль, Пикассо, Ольга Хохлова, мимолётности, Наташа Тамручи

1. Аделаида с картин Боттичелли

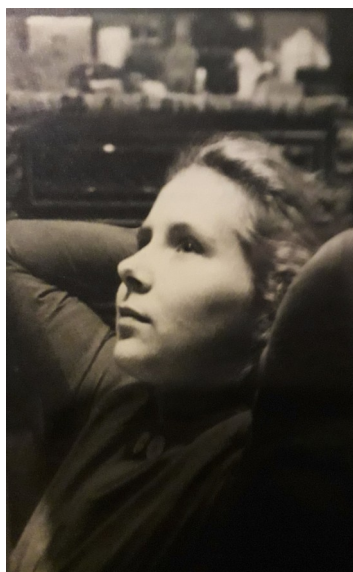
Восприятию красивого всегда способствовали художники, особенно великие художники. Известно, например, что картины Тёрнера, изображающие закат солнца, существенным образом изменили восприятие заката англичанами. Тёрнер сумел передать какие-то особенные черты заката (линию горизонта, цвет солнца и его лучей, цвет неба, освещение деталей и т.п.), которые производят впечатление на зрителя — и зритель замечает их в живой природе, а раньше до Тёрнера не обращали внимания.

Точно так же можно говорить про художников, которые писали портреты. Художник мог подчеркнуть некоторые характерные черты изображаемой личности. Пример, который был у меня на глазах, это Анатолий Зверев. Он писал картину в течение пяти минут и на разных портретах каким-то непостижимым образом воспроизводил совершенно разные, но очень характерные черты человека, которого изображал. Я наблюдал это по двум портретам, которые он писал с моего отца. Получилось два разных человека с разными (даже противоположными) характерами. Но оба похожи на моего отца. Во мне есть очень малая капля татарской крови, но Зверев заметил её и подчеркнул.

Есть ещё одна сторона художественного изображения: талантливый художник может изобразить тип человека. Примером может служить картина «Цыганка» Франса Халса. Я встретил на улице в Англии девушку, во все не цыганку, а англичанку, которая меня поразила тем, что она как будто сошла с этой картины. А лица «Едоков картофеля» Ван Гога можно часто увидеть и сегодня в Голландии.

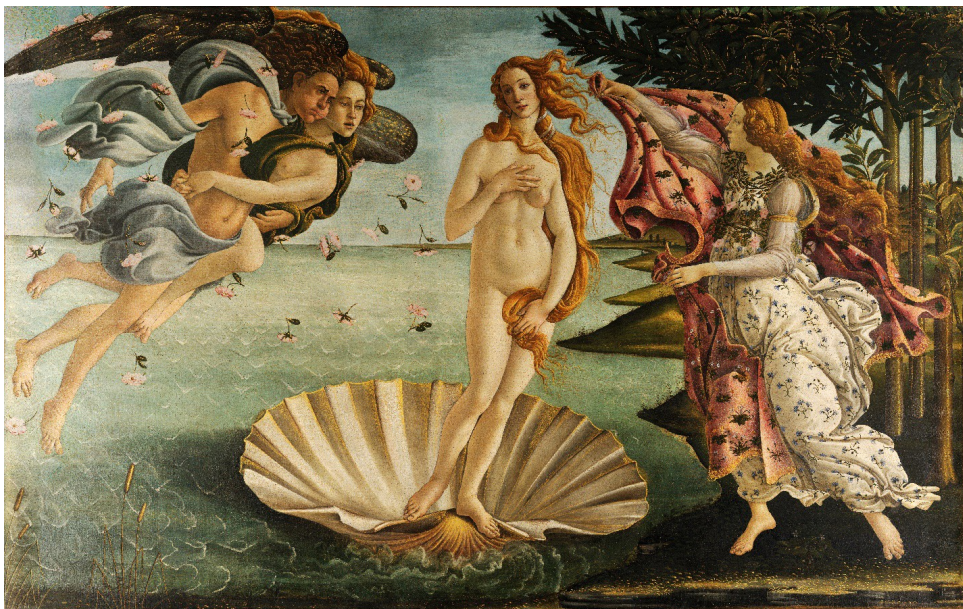
Когда мне показали обложку русского издания книги «История красоты» Умберто Эко [6], на которой был изображён стилизованный фрагмент картины Боттичелли «Рождение Венеры», я воскликнул: «Это Ада!». Моя первая реакция была такой, что это не шедевр Боттичелли (хотя я прекрасно знал картины Боттичелли и даже смею считать себя знатоком живописи), а что это портрет моей приятельницы и большой любви Аделаиды¹, так явно на картине были схвачены черты и выражение её лица.

¹ Имена всех упоминаемых действующих лиц изменены.

Аделаида

Ещё больше Ада была похожа на Венеру, изображённую в центре другой картины Боттичелли — «Весна». Боттичелли изобразил тип, который отвечал красоте Аделаиды в большей степени, чем это передавали её фотографии. У меня, как и у других её поклонников, висела репродукция, изображающая Венеру с картины Боттичелли «Весна».

С. Боттичелли «Рождение Венеры»

Моделью Венеры Боттичелли принято считать Симонетту Веспуччи — первую красавицу Флоренции, которая, по сохранившимся свидетельствам, отличалась красотой, обаянием и кротким нравом. Её современник итальянский поэт Полициано писал о ней так: «Среди других исключительных даров природы она обладала такой милой и привлекательной манерой общения, что все, кто сводил с ней близкое знакомство, или же те, к кому она проявляла хоть малейшее внимание, чувствовали себя объектом её привязанности². Не было ни единой женщины, завидовавшей ей, и все настолько хвалили её, что это казалось вещью необыкновенной: так много мужчин любили её без возбуждения и ревности, и так много дам восхваляли её без злобы» [14, р. 129].

Образ нежной и трогательной героини, списанный Боттичелли с прекрасной модели, символизирует не чувственность и земные наслаждения, а целомудрие и высокую нравственность. Боттичелли создал такой духовный образ женщины, который никто из художников ни до него, ни после него не создавал. Как расшифровать гений этого художника?

С. Боттичелли «Весна»

Можно попробовать это сделать, исследовав прообраз героини Боттичелли и сопоставив этот образ с реальной женщиной, живущей в наше время и так похожей на героиню Боттичелли. Если между этими женщинами обнаружится сходство, то это значит, что Боттичелли уловил и передал на своих картинах типические черты прекрасной женщины: необыкновенную

² Описана основная черта естественного и притягательного кокетства.

женственность, незащищённость и одухотворённость. Это в полной мере соответствовало и личности моей приятельницы Аделаиды. Неслучайно, что на обложку русского перевода трактата теоретика красоты Умберто Эко «История красоты» помещено именно лицо Венеры Боттичелли (а не, например, Спящей Венеры, более гениальной, с моей точки зрения, картины Джорджоне).

Я буду следовать сформулированной концепции и попытаюсь найти ответ на вопрос о гении Боттичелли.

Реальное воплощение образа Боттичелли, Аделаида была архитектором и ценителем красоты и искусства. В одном из её писем ко мне и я оказался объектом её эстетической оценки. Привожу фрагмент её письма: *«Ты пишешь, как тебя огорчило, что я тебя будто бы считаю некрасивым или что-то в этом роде. Глупый мой, ты для меня прекраснее всех на свете. Я не думала, что моя трепотня заденет тебя. Я не знаю ничего прекраснее и любимее твоих глаз, когда они смотрят на меня с нежностью и восхищением (но только на меня). Мне бы так хотелось поцеловать их сейчас, такие любимые!»*. Вспоминаю Беранже: «...О, боги, как она красива. А я... а я — такой урод!» [3, с. 26].

Мой роман с Аделаидой начался совершенно неожиданно для нас обоих. Она была сестрой моего приятеля Димы. Я встречался с ней на семейных праздниках их большой семьи. С первого момента нашей встречи я был поражён сходством Аделаиды с героинями картин Боттичелли, и это обстоятельство для меня, почитателя живописи, сыграло важную роль в моих чувствах к ней.

Я видел в Аделаиде то, что так хорошо описал искусствовед Виктор Липатов, анализируя образ Боттичеллевской Симонетты: «Он наряжает её в красивые наряды, унижает жемчугами косу из “медных” волос, аккуратно рисует чуть с горбинкой нос, отмечает на устах загадочную улыбку обольщения и таинственной мечты. Её высокий лоб кажется ему лбом провидицы, а детски трогательное выражение лица и излучающие надежду глаза вызывают трепет умиления» [8, с. 10].

Красота Аделаиды была классической. У неё был чудесный профиль. Ни в жизни, ни на фотографиях я не замечал, что носик у неё был чуть вздёрнутым. Но прочитав описание портрета Симонетты, я это заметил на одной из её фотографий, которую обнаружил в интернете и на которой Ада изображена в профиль за работой в мастерской.

Красавица, очень остроумная и очень кокетливая Аделаида мне, безусловно, нравилась, но о романе с ней я не мог и помыслить. Она была замужем за талантливым, очень красивым и мужественным художником, известным под именем Барон. У них была маленькая дочка Альбина, которую родители обожали. Альбина училась и у отца, и у матери и тоже стала архитектором.

Барон работал очень быстро и сосредоточенно: большую картину мог написать за одну неделю. Он был востребованным, практически всегда

имел официальные заказы и зарабатывал бешеные по тем временам деньги. Некоторые его картины выставлены в Третьяковской галерее.

Отмечу, что в те же 60–70-е гг. прошлого века появилась плеяда художников-авангардистов, которые, как известно, подверглись разгромной критике правительственной верхушки во главе с Хрущёвым на выставке в Манеже 1 декабря 1962 г. Кроме Хрущёва особенно яро громили художников Железный Шурик (А.Н. Шелепин), который грозил им высылкой в лагерь и другими наказаниями. Председатель совета министров РСФСР Д.С. Полянский, отставший от официальной делегации, успокоил страшно обеспокоенных художников, сказав, что эта эмоциональная реакция не будет иметь серьёзных последствий.

Мы, молодежь 70-х годов, пытались поддержать опальных художников и покупали их работы. Я, в частности, купил картину Ю. Соостера «Можжевелики», а мой отец купил несколько работ Эрнста Неизвестного. Когда я спросил у отца, который сам занимался садовой скульптурой, что он купил, он ответил, что купил на 45 и на 80 килограммов (имея в виду, что купил скульптуры по весу).

Сейчас работы бывших опальных художников-авангардистов получили широкую известность и ценятся высоко и в эстетическом, и в материальном плане, а работы Барона, талантливого художника, не очень широко известны.

Аделаида не любила работать быстро. Вот что она пишет в письме ко мне: *«Работа моя подвигается. Совет требует, чтобы я сдавала её в среду (24-го). Боюсь, что это слишком рано, но они грозят мне расторжением договора. В быстрой работе есть своя прелесть. Работаешь более собранно и сосредоточенно. Кое-что мне удалось, но многое не удовлетворяет. Мне бы очень хотелось устроить небольшой перерыв в работе, отвлечение полностью — это бывает очень полезно, но это сейчас совершенно невозможно».*

В наше время эпистолярный жанр частной переписки практически утрачен. Поэтому особую ценность представляют сохранившиеся «живые» письма — чудесные письма Аделаиды, в которых живёт она сама и её любовь.

Когда человеку ставят аппарат холтеровского мониторирования ЭКГ и артериального давления, то аппарат непрерывно в течение суток регистрирует на электрокардиограмме динамику работы сердца и состояния сосудов. При этом пациента просят вести дневник, в котором фиксировать род занятий во время бодрствования (ходьба, нагрузка физического или эмоционального характера и др.), время отдыха и сна. Затем врач снимает данные с прибора и вводит информацию из дневника в компьютер. Компьютерная программа анализирует данные и выводит суточную электрокардиограмму, в которой сопоставлена физическая и эмоциональная активность пациента. Если такие данные обработать статистически, то компьютер сможет непосредственно по плёнке (по изменениям на ЭКГ

и без анализа дневника) отслеживать активность пациента и интерпретировать его состояние, например делать заключение, что в такой-то момент пациент пережил стресс, в такой-то момент он был совершенно спокоен эмоционально, в течение такого-то времени он был занят физической нагрузкой. Так же можно фиксировать и анализировать состояние влюблённости, когда от чтения письма любимого человека «слабеют ноги», или фиксировать вспышки ревности.

Письма, которые писали друг другу люди старшего поколения, были своего рода дневниками мониторинга их состояния. Как и в приводимых ниже письмах Аделаиды, авторы фиксировали все события прожитого дня, встречи, свои эмоции и состояния. Эта традиция практически утеряна в наше время мобильных телефонов и всеобщей компьютеризации, тогда как такие письма, как и плёнка ЭКГ, являются очень важным свидетельством эмоционального и физического состояния человека, только зафиксированного на другом носителе. Слова при этом могут прямо не говорить о чувствах, например о состоянии влюблённости. Но мы читаем это по контексту, по восторженному описанию природы, по мелким деталям, которые приводятся в письме.

В отличие от писем, в мемуарах или дневниках обычно фиксируются события повседневной жизни в хронологическом порядке. В этом отношении письма больше, чем дневники, похожи на кинофильм. В фильме не просто показываются события, а выделяются и масштабируются главные моменты, факты, сцены. Камера оператора может приближать или отдалять картинку, выдвигать её на первый или второй план, увеличивать или уменьшать изображение.

Хотя кинофильм состоит из отдельных кадров-фотографий, в целом режиссёр монтирует полотно, в котором разные эпизоды имеют разный калибр. И в этом отношении письма близки к кинофильму, так как в них автор обычно не документирует произошедшие события (как в дневнике), а описывает главное, акцентирует внимание на том, что ему кажется важным.

Иногда написанный фрагмент у самого автора вызывает эмоцию, как при разговоре с самим собой. Например, в одном из писем Ада в конце поставила дату — и это сразу вызвало эмоцию, которую она выразила в приписке: «Лето кончается, скоро осень, как жаль!». Иногда описываемые события вызывают воспоминания, которые автор переживает снова. Например, она описывает прогулку с дочкой и вспоминает, что по этой тропинке мы с ней недавно шли вместе и были так счастливы!

Я сохранил пронзительные, нежные и глубокие письма, которые получил много лет назад, и сейчас, читая их, как будто просматриваю кинофильмы, снятые в те годы. При этом восстанавливается и осмысливается по-новому история нашей любви. Эти письма как бы позволяют воплотить в живой образ героиню Боттичелли. Поэтому я позволяю себе их раскрыть, хотя они, конечно, предназначались мне одному.

Поэт Михаил Кузмин написал, что Боттичелли в своей героине видит то, чего ни она сама и никто другой не видит, — её обречённость. В письмах

Аделаиды также видна обречённость: обречённость её любви, её убежденность, что она обречена любить до конца своих дней. Она пыталась побороть своё чувство, но это у неё не получилось. И она поняла, что не в её силах разлюбить, что это любовь на всю жизнь. Я пережил Аделаиду и знаю, что это так и было.

Ниже я привожу отрывки из писем Аделаиды, в которых отражается эта очень важная черта обречённости, которая роднит её с героиней Боттичелли. Полностью письма Аделаиды я привожу в Приложении.

№ 1

Вчера вечером, когда ребята легли спать, сидела на ступеньках террасы, на которых мы с тобой сидели тогда. Помнишь?

Я особенно полюбила эти места с тех пор, как ты побывал здесь. Я люблю ступеньки террасы, на которых мы сидели с тобой, люблю дорогу на станцию, дорогу на речку и маленький песчаный пляж, на котором мы сидели. В каком счастливом напряжённом ожидании я находилась тогда! Как всё во мне пело!

№ 2

Сейчас долго стояла на тёмной террасе и наслаждалась чудным тёплым лунным вечером. Так думала о тебе, мой милый! С такой бесконечной нежностью и любовью! В такие минуты, действительно, происходит невероятная кристаллизация³. Какими нелепыми и ненужными кажутся все наши ссоры и обиды. <...> Как я тоскую! «Отчего не со мной ты, о друг мой, В ночах, в их печали!» Вот видишь, от тоски я даже вспомнила Бальмонта.

№ 3

Ещё чувствую на себе тепло и ласку твоих рук и стараюсь отогнать эти воспоминания, парализующие мою волю. Буду трудиться, чтобы замолить свои грехи.

Завтра годовщина моего счастья и моего позора. Помню так отчетливо этот день. Быть может для тебя и для меня лучше было б, если бы этого не случилось. Но поздно говорить теперь об этом. Видимо это было неизбежно. Так всё запуталось, так тяжело и грустно. Бьюсь как подстреленная птица. Знаю, что за короткие минуты счастья буду расплачиваться «слезами и тоской». Безвыходная и безнадежная ситуация а la «Дама с собачкой».

№ 4

Сегодня мне снилось, что я иду по какой-то улице и вдруг вижу, что ты стоишь и читаешь почему-то газету (с таким знакомым мне выражением: близко поднеся её к глазам). Ты на меня взглянул небрежно

³ Ада имеет в виду стадию «кристаллизации любви», описанную Стендалем в трактате «О любви» [12].

и также небрежно поцеловал мне руку, а потом продолжал читать. И знаешь, вдруг (как всегда бывает во сне) мне стало ясно, что ты ждёшь кого-то (но не меня). И мне было очень тяжело во сне, и я проснулась с тяжёлым чувством.

№ 5

Сегодня видела тебя во сне. (Знаешь, как в деревнях девицы говорили: «На новом месте приснишь жених невесте».) Только сон был страшный. Мы были с тобой вместе и нас увидел какой-то приятель Барона. Он угрожал мне доносом, и рожка у него была ужасно злобная. Я проснулась ночью с тяжёлым чувством.

№ 6

Когда я работаю одна в мастерской, я то и дело перечитываю твои письма. <...> Я не могу продолжать работать... Стараюсь выбить из себя эту дурь, пытаюсь заставить себя сосредоточиться на работе и не могу. Это какое-то наваждение. Чувствую на себе прикосновение твоих рук и губ и у меня ноги слабеют. Милый, милый, что это такое? Никогда этого со мной не было.

№ 7

Думаю о тебе всё время. Вчера, когда все улеглись, сидела одна на крылечке и как вечернюю молитву твердила всякие нежные слова. Дошли ли они до тебя?

№ 8

Разве ты не знаешь, не понимаешь, что ты моё сердце, моя жизнь, что встреча с тобой самый светлый праздник в моей жизни, что я не живу, когда не вижу тебя! Разве ты не чувствуешь, что мысленно я всё время с тобой, что я так много думаю о тебе, что ни на что другое не остаётся времени!

№ 9

Всё время вспоминаю вчерашний день, проведённый с тобой, и думаю о тебе с такою нежностью и любовью. Почему мы должны быть врозь, почему должны разлучаться и тосковать друг о друге?! Почему я должна была уехать от тебя, которого люблю безгранично! Всё это такая нелепость! Сердце разрывается от тоски и боли. Мне хорошо только с тобой, я хочу быть с тобой всё время и не страдать от постоянных разлук. Мой родненький, был ли ты счастлив вчера со мною? Так же ли ты тоскуешь обо мне, как я о тебе? <...>

От мысли, что мы будем вместе, у меня кружится голова. Я люблю тебя безумно. Не разлюби меня — это меня убьёт.

№ 10

Милый, я так грустила, так мне хотелось услышать снова, что ты любишь меня! Сейчас после того, как я прочла сто раз твои письма,

у меня такое чувство, что мы только что были вместе. Сердце так оттаило, так мне тепло! Во всяком случае завтра я знаю, что смогу работать, а то никакая работа на ум не шла. И пусть дождь идёт, пока ему не надоест это занятие — он мне не мешает радоваться. Я как Бесприданница могу повторять: «Так Вы меня ещё не забыли? Так Вы меня ещё любите?!».

№ 11

На даче так тихо! Но эта тишина наполнена тобою. Я слышу твой голос, вижу твоё лицо — то безумно счастливое, то бесконечно несчастное. Милый, что это такое за безумие?! Я так думаю о тебе, так схожу с ума. В водовороте всяческих домашних дел я вдруг останавливаюсь, поражённая невероятным ощущением счастья, которое налетает на меня, как вихрь. Я чувствую себя такой молодой и счастливой.

№ 12

Не думай, что я потеряла веру в твою любовь или разлюбила тебя. Мой милый, я люблю тебя так сильно, так безудержно, так глубоко как никогда. Я люблю тебя наперекор всему. Я никогда не разлюблю тебя, я осознала сейчас всё это особенно ясно, быть может потому, что нашей любви грозит серьёзная опасность и большие испытания. Я об одном молю тебя — не разлюби меня.

№ 13

Милый, милый, я так боялась полюбить тебя сильно, всё-таки это случилось. Я не могу, не в силах противиться этому. Воля моя парализована и мне кажется, что я лечу в бездну. <...>

Хотя мы и не располагаем фактами относительно характера Симонетты, тем не менее попытаемся сопоставить её характер с характером Аделаиды. Нам известна, по свидетельству Полициано, замечательная манера общения Симонетты — черта, которая включает в себя дружеское расположение, участие к окружающим и сочувствие. Этой чертой Аделаида тоже обладала в полной мере. Очень характерный пример этому — её отношение к Наташе, с которой у нас был общий сын Серёжа.

Серёжа родился после моей тяжёлой травмы (перелом 3-го шейного позвонка). Я долго лежал в гипсе. Наташа проводила со мной в больнице целые дни. Несколько консилиумов крупнейших советских нейрохирургов склонялись к операции на спинном мозге и давали мне довольно неблагоприятный прогноз. Про свою болезнь и про Серёжину судьбу и трагическую гибель я написал в других воспоминаниях.

Ада и Наташа были в некоторой степени соперницами. Тем не менее Ада полюбила Серёжу с первого взгляда и вызвала ответную любовь ребёнка, а затем подружилась и с Наташей. Я был свидетелем зарождения этой удивительной дружбы.

Ада увидела Серёжу в первый раз, когда приехала ко мне в Соколову Пустынь, где летом также жила семья Наташи. Он был так похож на меня,

что Ада сразу узнала в нём моего сына и была им покорена. Ада тоже произвела на маленького Серёжу потрясающее впечатление, он, видимо, сразу интуитивно почувствовал в ней любящую и родственную душу, и когда Елизавета Владимировна, мать Наташи, высказалась относительно Ады не очень ласково, по-видимому, из ревности за Наташу, он, как истинный рыцарь, заступился за неё и ударил бабушку по лицу. Все были поражены. Так началась взаимная любовь и дружба этих двух семей, и посредником в этом оказался Серёжа.

Вот как свои чувства к Наташе Ада выражает в своих письмах.

№ 14

Напиши мне, как себя чувствует Наташа, которую я очень полюбила, и как поживает мой милый маленький поклонник. Поцелуй их от меня.

№ 15

Так мечтаю о купании в Оке, о прогулках с тобой по лесу, так грущу о тебе и томлюсь. <...>

Умоляю тебя, будь поласковей с Наташей, побереги её. Она, видимо, в очень тяжёлом состоянии и так несчастна. Мне её смертельно жалко.

№ 16

..Была вчера вечером у Наташи. Так грустно и так тяжело мне стало, глядя на неё. При всём том я испытываю к ней что-то вроде чувства зависти, потому что при всех её несчастьях у неё есть Серёжа — твой сын. Я полагаю, что никогда не решилась бы на это, ибо знаю, что обожала бы твоего ребёнка до безумия — особенно сына.

В свой визит к Наташе, который она описала в письме, Ада подарила ей шикарный букет роз, чем очень тронула Наташу. Так сочувственно относиться к своей сопернице, дарить ей прекрасные цветы — поведение, поистине свойственное Симонетте. Ада как будто бы знала Симонетту, её манеры и отношение к людям и подражала ей, так укладывается это дружеское участие в характер Симонетты.

* * *

Согласно научному определению, характер человека — это структура стойких, сравнительно постоянных психических свойств, определяющих особенности отношений и поведения личности. Черты характера составляют те существенные свойства человека, которые определяют тот или иной образ поведения, образ жизни. Изучением характеров занимается специальная наука — характерология. Индивидуальные особенности характера проявляются в отношениях личности:

- к самому себе (например, неуверенность в себе, высокая или низкая самооценка);
- к окружающим людям (желание нравиться);

- к окружающему миру (страх или восхищение, вера в сверхъестественное);
- к труду и своему делу (трудолюбие или лень, увлечённость своим делом, креативность);
- к своим и чужим вещам (вещизм или равнодушие к материальным благам).

Как уже говорилось, мы слишком мало знаем о Симонетте, чтобы описать её характер. Тем не менее некоторые соображения и догадки о её характере мы можем высказать. Известно, что после замужества всю свою короткую оставшуюся жизнь она провела при дворе могущественного клана Медичи во Флоренции во время правления Лоренцо Великолепного. Она была «избрана» Прекрасной дамой этого двора и в соответствии с этой ролью должна была выполнять некоторые обязанности. Её работа заключалась в том, чтобы своей приятной манерой общения завоёвывать симпатии, привлекать к себе людей и тем самым укреплять господство дома Медичи во Флоренции. В частности, её обязанностью было не только присутствовать на турнирах, но и воплощать собой власть и могущество Медичи. Так, на турнире 2 ноября 1474 г., поводом для которого послужило заключение союза между Миланом, Венецией и Флоренцией, один из участников турнира Джулиано Медичи, брат Лоренцо Великолепного, выбрал дамой своего сердца Симонетту. На его штандарте (авторство которого приписывают Боттичелли) была изображена Симонетта в виде Афины Паллады в белом платье, со щитом и копьём, с головой Медузы Горгоны в руках и девизом *La Sans Pareille* (Несравненная). Есть основания полагать, что любовь Джулиано Медичи к Симонетте была взаимной и что свою любовь она пронесла до конца своих дней.

Джулиано победил в этом турнире своего соперника. Симонетта была провозглашена королевой турнира и вызвала восхищение флорентийцев. Тем самым она помогала укреплять и сохранять могущество клана Медичи, власть которого во Флоренции была крайне неустойчивой. И в этом заключалась её жизнь и очень важная политическая роль.

Письма Аделаиды, которые я привожу в этом эссе, отражают многие черты её характера, например её увлечённость любимым делом, неуверенность в себе (она пишет, что сто раз перечитывает мои письма, чтобы развеять сомнения в моей любви), отношение к окружающим (её способность полюбить свою соперницу, деликатность, стремление избегать конфликтов) и т.п. Но то, что её роднит с Симонеттой больше всего, это, безусловно, желание нравиться, её естественное кокетство. Даже с фотографий Аделаиды уже в зрелом возрасте смотрит кокетливо улыбающаяся красивая пожилая дама.

Красавица Симонетта по своему статусу «несравненной» тоже обладала этой чертой. И именно эту черту гениально уловил Боттичелли. Приведу впечатление, которое на поэта Михаила Кузмина производил образ Симонетты, созданный Боттичелли: «Пробежавшая всю молодость и свою

всю жизнь в семь лет (16–23) девушка, почти видение, символ, не человек, которую Боттичелли так везде и рисовал в виде Венер, Мадонн, вёсен, возлюбленная Медичи, воспетая Полициано, восторженная, радостно-удивлённая, открытая для всего и всех, лёгкий, убегающий профиль. Всем несёт радость и прелесть жизни, и сама первая это восторженно воспринимающая. И Боттичелли, который видит то, чего никто, ни она сама не видит, её обреченность. Всеобщее моментальное обожание, причём всякому кажется, что всё её внимание обращено на него одного, так полна, прямодушна и легка её прелесть. На вечные века символ скоропроходящей молодости» [7, с. 40].

Характер Аделаиды достаточно полно раскрывается в её письмах. Наряду с энергичностью и работоспособностью, живым умом и быстрой реакцией, её образ ассоциируется с каким-то трагизмом и безнадёжностью. Это выражается в её словах: «Что принесёт мне новый год?», «Я уверена, что ты не принесёшь мне несчастья». Это отчасти было связано с тем, что она жила в страхе перед разоблачением своей любви и в ожидании расплаты.

Ей свойственна пластичность, которая проявляется в изменчивости настроений. Она легко переходит от счастливого состояния к грустному, угнетённому, готовности понести наказание за свои поступки. И наоборот, легко находит повод для радости и счастья при чтении писем, при воспоминаниях о счастливых встречах, при погружении в окружающую природу и т.п. Она не просто легко сходится с людьми, она может легко и искренне полюбить даже свою соперницу.

Я уже упоминал, что Аделаида была очень остроумной. Это выражается и в её письмах. Как сказал Бальтасар Грасиан: «Чем красота является для глаз, а благозвучие для ушей, тем для ума является остроумие» [4]. Письма Аделаиды дают возможность явно ощутить этот аспект её красоты. Возможно, именно эти черты характера свойственны тому типу женщин, который изобразил Боттичелли.

Мы рассмотрели тип героини Боттичелли, попытались угадать черты её характера и нашли сходство между этой героиней и реальной женщиной — Аделаидой. Тем самым мы приблизились к разгадке гения Боттичелли.

Аделаида помогла мне устроить банкет, наверное, единственный в моей жизни, после защиты докторской диссертации в ресторане Пекин. Сама она на банкете не присутствовала, но оставила большой букет с вложенным в него письмом. Наши кафедральные женщины обнаружили это письмо. Я прочёл его, вспыхнул и быстро уничтожил. Письмо было очень трогательным и полным любви. Моё настроение резко поднялось — я был счастлив.

Гениальность художника заключается в том, что с его картины невозможно создать точную копию, которая передавала бы не только изображение, но и энергетику, запечатлённую автором. То, что художественные изображения, особенно картины, оказывают энергетическое воздействие на человека и его состояние, известно давно. Это воздействие определяется психологическим и эмоциональным настроением автора в момент создания произведения. И этот настрой, и это состояние скопировать практически

невозможно. Поэтому опытный зритель всегда сможет отличить оригинал от подделки или копии, даже очень качественной. Энергетика картин Боттичелли заставила меня увидеть в Аделаиде сходство с его главной героиней.

2. Женщины Пикассо

Памяти Наташи Тамручи

Гениальные произведения рождаются тогда, когда художник увлечён своей моделью, поглощён ею, любит её, погружается в её жизнь и в её проблемы. В таких случаях между художником и его моделью существует очень глубокая связь, которая отражается в особой энергетике художественного произведения.

Любовью всей жизни Пикассо и героиней многих его картин была его жена Ольга Хохлова. Но у него были и другие модели. Его искусство требовало, чтобы модель была для него больше, чем просто натурщица. Он вторгался в жизнь своих моделей, привязывал их к себе, заставлял переживать разные острые чувства: любовь, ревность, ненависть, страдания. Это вдохновляло его на инновационные художественные стили, которые отвечали новым эстетическим принципам.

В первом эссе «Аделаида с картин Боттичелли» я описал типичную героиню Боттичелли, «образец» которой я встретил в реальной жизни. В данном эссе я хочу коснуться вопроса о типичной героине Пикассо.

* * *

Моя соседка по даче в Софрино Валерия Амаяковна Тамручи показала мне фотографию из семейного альбома. Это была фотография Ольги Хохловой, жены Пикассо, балерины Дягилевского балета. Ольга была родной тёткой мужа Валерии Олега Тамручи. Мне очень понравился этот портрет, и я сделал для себя его фотокопию.

Фотографию, подобную той, которую мне показала Валерия Амаяковна, можно найти в интернете. Но на той фотографии, копию которой я сделал для себя, внизу есть трогательная надпись, написанная Ольгой по правилам старой орфографии, и это делает её уникальной.

В 2018–2019 гг. сохранившиеся документы, личные письма и фотографии, переданные Олегом Владимировичем Тамручи в Фонд ГМИИ им. А.С. Пушкина, были представлены на выставке «Пикассо & Хохлова», прошедшей в Пушкинском музее. Но ни среди представленных на выставке фотографий, ни в каталоге выставки этой фотографии с надписью Ольги нет⁴.

⁴ Что стало с оригиналом этой фотографии, установить не удалось. Валерия и позже её дочь не смогли его найти.

Надпись придаёт фотографии особый шарм, своего рода аристократизм. Такую трогательность и прелесть подаренной фотографии в наше время уже не встретишь. Ольга, получившая образование во французском пансионе, где учились дворянские девушки в России, сама была утончённой натурой. Такой женщине, как Ольга Хохлова, можно только предложить руку и сердце, как и поступил Пикассо.

Ольга Хохлова

Когда я познакомился с Валерией Амаяковной Тамручи, мне было 20 лет, а ей за 30. Мне было с ней интересно, не только потому, что она показывала мне письма и фотографии Ольги Хохловой, но и потому, что она как искусствовед была связана с модными в те времена художниками, особенно с Кукрыниксами. У неё были картины известных мастеров (например, Машкова). Сама Валерия Амаяковна занималась новаторской живописью К.С. Петрова-Водкина и других художников. Кроме того, она окончила Центральную музыкальную школу по классу профессора Белова.

В российской ветке семьи Хохловых-Тамручи Валерия была единственным профессиональным искусствоведом. Именно она ценила и хранила личные материалы, связанные с Ольгой Хохловой и Пикассо. Несмотря на то, что Валерия не была связана генетически с семьей Хохловых, она как искусствовед обожала Пикассо, впитывала в себя его работы, как губка, и не боялась арестов, как в те времена боялись все, у кого кровные родственники жили за границей.

Валерия наблюдала личную драму Ольги и Пикассо со стороны семьи. Но важно было понимать, как повлиял разрыв с женой на творчество Пикассо, не только с позиции члена семьи, но и с позиции профессионала-

искусствоведа. Она анализировала эти события с точки зрения того, к какому вкладу в живопись они привели, в частности как они отразились на создании шедевра Пикассо — картине «Герника».

Организаторы и кураторы выставки «Пикассо & Хохлова» связывают годы жизни Пикассо с Ольгой с особым периодом в его творчестве, который принято называть «периодом Ольги»⁵.

Пикассо считал одним из ярчайших впечатлений своей жизни драку в его мастерской двух его моделей: спортсменки Марии-Терезы Вальтер и фотографа Доры Маар. Когда эти две молодые женщины однажды встретились в мастерской Пикассо и попросили, чтобы он сделал выбор между ними, он ответил, что они должны за него подраться. И они действительно стали драться. Пикассо вдохновляло то, что его моделями были женщины «с надрывом». Это коренным образом отличает Пикассо от Боттичелли, типический образ героинь которого — любящая женщина, несущая всем радость и прелесть жизни, женщина, способная полюбить даже своих соперниц.

Ольга Хохлова и Пикассо познакомились, работая вместе в Дягилевском балете, и поженились в 1918 г.

Отец Ольги (полковник Царской армии) и её два брата служили в Белой Армии. А сестра Нина вышла замуж за советского военачальника генерала Владимира Степановича Тамручи, который, как и многие другие советские военачальники, был арестован КГБ в 1943 г., провёл в одиночной камере 7 лет и умер в заключении в 1950 г.

Ольга уехала из России в 1911 г. с балетной труппой Дягилева, успешно выступала и мечтала о карьере примы-балерины. Когда после травмы ноги и замужества она перестала танцевать, Дягилев писал Пикассо: «А Ольга? Неужели она навечно распрощалась с искусством танца? Это весьма печально! Мясин сожалеет об этом как хореограф, а я — как бывший поклонник».

Ольга очень скучала по своим родным, что чувствуется в трогательной надписи на фотографии и в её письмах, тревожилась о том, что они голодают, и, не имея возможности приехать в Россию, часто писала письма

⁵ Я не разделяю взгляд искусствоведов, которые делят творчество Пикассо на периоды, соотнося их с периодами его увлечений разными женщинами. Я считаю, что эволюция его творчества определялась более общими социальными факторами, в том числе революционными событиями в мире, сменой художественной парадигмы во всех видах искусства, поиском новых форм самовыражения и т.п. Личный фактор тоже, конечно, не исключён, но он далеко не единственный. Например, если анализировать историю создания знаменитой картины «Герника», то нужно учитывать много факторов, которые могли повлиять на её концепцию. Картина была написана вскоре после разрыва с Ольгой, который Пикассо тяжело пережил. Он также очень тяжело переживал гражданскую войну в Испании, особенно бомбардировку города Герника — событие, которое послужило сюжетом этой картины. Эта монументальная картина со сложным символическим содержанием была написана в рекордно короткий срок — за один месяц. Это заставляет думать, что концепция этого произведения была задумана задолго до трагического события, отражённого на картине, и задолго до её художественного воплощения. В этой картине Пикассо выразил своё философское мироощущение, своё восприятие мира, охваченного ужасом войн и разрушений.

своей сестре и племянникам и посылала им подарки. Характерно, что, подписывая фотографию своим родственникам, она пользовалась старой русской орфографией, хотя в России к 1918 г. уже была принята орфографическая реформа.

Ольга участвовала в новаторских балетах Дягилева, была увлечена новым искусством, но русскую революцию она не восприняла, в то время как Пикассо сочувствовал коммунистам в Советской России и в 1944 г. вступил во Французскую коммунистическую партию. Своего общего с Ольгой сына он называл «белогвардейским отродьем» — что звучит как пощёчина. Это выглядит так же нелепо и парадоксально, как драка женщин в его мастерской.

Ольга и Пикассо, несмотря на их большую взаимную любовь, были очень разными людьми. Как говорил он сам: «Ольга любила чай, икру и пирожные, а я фасоль и сосиски». И как это часто бывает, жена не разделяла его идеологии ни в политике, ни в искусстве, ни в жизни. В русских семьях во время гражданской войны и революции частым явлением было расхождение во взглядах между мужем и женой.

Это было революционное время, время конфликтов и борьбы, когда менялось всё в мире, когда в одной семье родственников разделяли убеждения: одни были на одной из воюющих сторон, а другие — на другой. Если учесть этот социальный и культурный контекст, то не кажется такой безумной и драка двух женщин, которую спровоцировал Пикассо и которую он характеризовал как своё самое сильное впечатление.

Новый век требовал модернистских перемен и в искусстве. Этим духом было проникнуто всё искусство начала XX в.: и живопись, и музыка, и поэзия, и скульптура, и балет. Новые стили и жанры переплетались в разных видах искусства. Например, ненадолго возник новый жанр — «мимолётности» — как отражение вереницы возникающих на мгновение и исчезающих видений, призраков, событий, случайных встреч. К. Бальмонт написал стихотворение «Я не знаю мудрости»:

*Я не знаю мудрости годной для других,
Только мимолётности я влагаю в стих.
В каждой мимолётности вижу я миры,
Полные изменчивой радужной игры.
Не кляните, мудрые. Что вам до меня?
Я ведь только облачко, полное огня.
Я ведь только облачко. Видите: плыву.
И зову мечтателей... Вас я не зову! [2, с. 30–31]*

А С. Прокофьев написал музыку к балету «Мимолётности», поставленному Касьяном Голейзовским.

Переход от реалистического искусства к новому, футуристическому, сюрреалистическому, в творчестве Пикассо был связан с тем революционным временем, в котором он жил.

Всю свою жизнь Пикассо любил свою очаровательную жену Ольгу и не хотел с ней разводиться. Но когда однажды к Ольге явилась молоденькая натурщица Мария-Тереза с новорождённой дочкой и сказала про неё, что это тоже «произведение Пикассо», Ольга уехала с сыном на юг Франции. Пикассо тяжело пережил ссору с Ольгой, потерял душевное равновесие, испытывал творческий кризис и стал меньше писать. Это свидетельствует о том, что Ольга всегда оставалась для него важнейшей частью его жизни.

Несмотря на различие характеров и внешности женщин, которые служили Пикассо моделями и вдохновляли его, между ними есть сходство, которое проявляется в их эксцентрической натуре, экзальтированности и в их подверженности харизме Пикассо. Они ревнуют его друг к другу и борются за него. Они как бы находятся под гипнозом Пикассо (как поклонницы Распутина под его гипнозом) — они преданы ему безгранично и не могут жить без него или вдали от него. Некоторые из них, расставшись с Пикассо, тяжело болели (как Ольга, которая умерла от рака, или Дора Маар, которая лечилась в психиатрической лечебнице после расставания с Пикассо), некоторые покончили с собой (как Мария-Тереза, которая повесилась спустя некоторое время после смерти Пикассо).

В отличие от женщин — героинь Боттичелли, которые были в дружбе, даже будучи соперницами (что тоже кажется парадоксальным), женщины Пикассо представляют собой противоположную парадоксальность. Они не просто ревнуют, но и сражаются за него даже физически. Без сомнения, Пикассо списывал эмоциональный накал страдающих женщин в знаменитой картине «Герника» со своих моделей.

* * *

У Валерии Амаяковны Тамручи, которую друзья звали Лерой, был альбом, в котором её друзья и знакомые оставляли свои стихи и рисунки-карикатуры. В её кругу все художники и искусствоведы были «благонадежными», среди них не было таких, за которыми «худая слава шелестела», как за Анной Ахматовой, в отличие от моих друзей, которые выставлялись в Манеже в 1962 г., или от друга моих родителей эксцентричного Лёвушки Бруни, который подарил им своё произведение в виде отпечатка пальцев.

Согласно свойству своей памяти, я запоминал стихи с первого раза. Мне запомнился такой стишок, который был написан ещё до замужества Валерии:

*Ты и Валерия, ты и Калерия,
Ты и Алмоева, и Алмоянц.
Глазам не верю я, ушам не верю я,
В глазах сверкающий протуберанц.*

*Как роза, солнечна, стройнее лилии.
В тебе все качества есть за двоих.
Два звонких имени, как две фамилии,
И я в бессилии у ног твоих.*

После замужества появилось новое стихотворение:

*Погас в ночи протуберанц.
Нет больше Леры Алмоянц.
Но, точно молния из тучи,
Блестит Валерия Тамручи.*

В 1953 г. Валерия собиралась ехать к своей тётке на курорт минеральных вод в Краинку (в Тульской области), где тётка работала главным врачом. Она собиралась лечиться от бесплодия с помощью минеральных вод и грязей. Я только что закончил университет и ещё не начал работать. У меня были проблемы с дёснами, и мне тоже рекомендовали поехать водами Краинки. Валерия Амаяковна пригласила меня поехать вместе.

Мы отправились вместе в санаторий, купив две курсовки. Добираться пришлось с пересадками на нескольких поездах. Один из вагонов, в котором мы ехали всю ночь, почему-то оказался пустым, кроме нас, там никого не было. Поезд-кукушка шёл с непрерывными толчками. Я в полусне в такт толчкам бормотал строчку из стихотворения «Мимолётности» Бальмонта. А Лере, как потом выяснялось, пригрезилась известная сцена между Джейком и Бетт в автомобиле из романа Хемингуэя «И восходит солнце (Фиеста)». Утром мы были уже в Краинке. Как и предполагалось, Лера остановилась у своей тётушки, а мне сняли комнату в деревне.

Краинка — чудесное место в среднерусской полосе на реке Черепеть. Мы катались на лодке, далеко уплывали и, подплывая к санаторию, издали чувствовали сильный запах сульфатных источников.

Лера сразу начала делать процедуры в санатории, а я лечил дёсны и между делом развлекался тем, что купил петуха и устраивал в деревне петушиные бои. Деревенские жители ко мне относились как к барину. У меня болело горло, и ко мне приходила местная знахарка: поила меня сладким чаем и бормотала какие-то заговоры. Я её слушался, но изо всех сил старался не хохотать.

Во время поездки, ещё до начала лечения, Валерия забеременела, и через восемь месяцев у неё родилась дочь Наташа Тамручи. Когда девочка выросла, Лера приехала ко мне на дачу и сообщила, что она развелась с мужем, поскольку девочка настолько похожа на меня, что, безусловно, она — моя дочь. Она сказала, что дочь в переходном возрасте трудно управляема, что она интересуется искусством, особенно театром, и попросила меня помочь ей поступить на отделение искусствоведения МГУ.

Мне было трудно поверить в моё отцовство, так как врачи отрицали возможность зачатия во время лечения, а ребёнок родился восьмимесячным, что также случается редко. Получалось, что «мимолётности» ночью в поезде во время нашей поездки в Краинку привели к рождению ребёнка.

Я обратился к специалисту по физиологии. Моя семья дружила со знаменитым скульптором-антропологом Михаилом Михайловичем Герасимовым, который разработал методику восстановления внешнего облика человека по скелетным останкам и реконструировал портреты исторических личностей, среди которых были Тамерлан, Иван Грозный и др. Он также был специалистом в области анатомии и физиологии человека. Он часто приходил к нам в гости, и мы готовили для него конфетные обёртки из цветной фольги, из которых он во время разговора автоматически «лепил» разных очень забавных зверушек.

Герасимов рассказал мне о том, что бывали случаи, когда женщина не могла родить ребёнка, но после случайной связи беременела. В этом контексте он спел мне смешную песенку:

*Мой муж уехал. Я спала.
Пришёл племянник из Собранья.
Он стал просить — и я дала пятьсот рублей
Из состраданья.*

Когда дочь подросла, Валерия, к своему большому огорчению, поняла, что отец ребёнка не её муж, которого она очень любила, и развелась с ним. Она решила воспитывать ребёнка одна, но не хотела травмировать родственников мужа, в том числе Ольгу Хохлову, сообщением, что ребёнок, которого она произвела на свет, это «творение» молоденького математика, а не её мужа.

После визита Валерии ко мне я поехал к ней домой, чтобы познакомиться с девочкой. Когда я её увидел, то мои сомнения рассеялись: я заметил в ней некоторые явные родственные черты. Я сделал всё, что мог, чтобы помочь ей поступить на престижное отделение искусствоведения, которое входило в состав исторического факультета МГУ. Мои родители-историки тоже как-то помогли.

Когда Наташа узнала, что её отец я, а не Олег Владимирович Тамручи, она помчалась к нему. Олег, высокий, сильный богатырь (он с трудом влезал в свою «Победу»), на её вопрос очень спокойно, ласково и деликатно ответил: «Твоей маме это лучше знать».

Я познакомил Наташу Тамручи со всеми своими родственниками и друзьями, которые очень тепло её приняли как мою дочь. Она была очень хорошенькой и живой. Мы в семье звали её просто Тамручи. Эта необычная фамилия служила ей прозвищем. Моя мама полюбила её, и отец говорил про неё: «наша, наша». Она подружилась с моей сестрой Ксенией. Ходила со мной в гости к Миллионщиковым, к моим друзьям Вадиму

и Аглае Кнорре и в другие компании. Я дарил ей много книг по искусству, подарил магнитофон и другие полезные предметы. Нанимал ей очень хороших репетиторов, чтобы она благополучно окончила школу и поступила в университет.

Однажды она приехала ко мне со своим кавалером и познакомилась с моей женой Ань. Мне очень понравился её кавалер, который сразу принял активное участие в поисках моего пропавшего терьера. А Тамручи с восхищением сказала: «Какая у тебя прелестная жена!».

Несмотря на всё это, она, по-видимому, испытывала комплекс неполноценности, считая себя «не совсем законной» дочерью. Когда умерла моя мама и я попросил Тамручи остаться у меня на даче с больной дочкой Таней, боясь, что в моё отсутствие может приехать вьетнамская бабушка и попытаться забрать Таню к себе, она блестяще выполнила это задание: выстояла перед натиском, и бабушке не удалось забрать у меня дочь⁶. Я ей всегда буду бесконечно благодарен за это. Однако она расценила эту ситуацию совсем по-другому — подумала, что я не хотел приглашать её на похороны моей мамы, и смертельно обиделась. Меня это крайне удивило. Мне также был непонятен её конфликт со своей матерью. Она обвиняла мать в том, что та недостаточно занималась её воспитанием.

Наташа Тамручи стала искусствоведом, открыла свою галерею, издала несколько книг и получила государственную премию в области современного искусства «Инновация».

Мы помирились с Тамручи, благодаря её дружбе с моей племянницей Аглаей⁷. Вместе с ней и отдельно часто приезжала ко мне на всякие семейные праздники. Она подружилась с моими детьми, особенно с Таней и Антоном. Гостила у них в Англии.

Наташа Тамручи скоропостижно скончалась 25 января 2020 г. Моя дочь Таня особенно тяжело переживала эту трагическую смерть. Она написала стихотворение и нарисовала портрет Тамручи, наброски которого начала делать ещё до её смерти. Это стихотворение я привожу здесь.

Моей самой старшей сестре Наташе Тамручи

*Дождь наметил плаксивое утро
Для неспешных январских прогулок,
И снежинки кокетливо пудрой
Чуть присыпали наш переулоч.
Ночь ушла без излишних прощаний,
Быстро скрылась за блеклым холмом.
А наброски портрета, как поток обещаний,
Так остались висеть над холстом.
Слишком поздно и я опоздала!
Ночь не выглянет из-за угла.*

⁶ Свою семейную трагедию я описал под псевдонимом в книжке «Безоружная любовь» [10].

⁷ Мою племянницу называли Аглаей в честь моей подруги Аглаи Кнорре.

*Так из жизни, как из карнавала,
Ты внезапно и быстро ушла...
Серый день, как ни в чём не бывало,
Продолжает свой будничным путь.
Из-под облачного покрывала
Мне уже эту ночь не вернуть.
Вот стучится в окно капель стая,
Рвётся в дом обезумевшей кучей.
Мне тебя так сейчас не хватает,
Дорогая Наташа Тамручи...*

Наташу Тамручи с её причудливой судьбой, полной мимолётностей, высокой планкой самореализации, сочетающейся с независимым и отчасти ревнивым характером, можно считать типичной женщиной Пикассо так же, как мою приятельницу Аделаиду прототипом женщины, как бы сошедшей с полотен Боттичелли.

Смерть настигла Наташу Тамручи мимолётно. Ничто не предвещало этой трагедии: она уединилась на даче и сосредоточенно работала. Особенно трагично то, что она умерла в момент кульминации своих творческих идей и планов. Она начала писать давно задуманную книгу о русском искусстве XX в. через призму экономики и политики. Каждый раз, принимаясь за новую концепцию, она страстно увлекалась, «видела миры» в новой теме, как истинно творческая личность, влюблялась в искусство мастеров, с которыми работала. Кто продолжит её идеи и планы? Хочется верить, что «где-нибудь, когда-нибудь, наверно...» [1, с. 91].

Список литературы

1. *Адамович Г.В.* З<инаиде> Г <иппиус> // *Адамович Г.В.* Полное собрание стихотворений. СПб.: Академический проект: Эльм, 2005. С. 91.
2. *Бальмонт К.Д.* Я не знаю мудрости // *Бальмонт К.Д.* Собр. соч.: в 7 т. Т. 2. М.: Книжный клуб Книговек, 2010. С. 30–31.
3. *Беранже П.Ж.* Как она красива! // *Беранже П.Ж.* Галантные песни. СПб.: Вита Нова, 2009. С. 26.
4. *Грасиан Б.* Карманный оракул. М.: РИПОЛ классик, 2018. 334 с.
5. Испанская эстетика: Ренессанс. Барокко. Просвещение / Сост., вступит. ст. А.Л. Штейна. М.: Искусство, 1977. 695 с.
6. История красоты / Под ред. У. Эко. М.: Слово/Slovo, 2010. 440 с.
7. *Кузмин М.* Дневник 1934 года. СПб.: ИД Ивана Лимбаха, 1998. 416 с.
8. *Липатов В., Липатова Е.* Сандро Боттичелли // Боттичелли. Альбом. Серия «Мир шедевров. 100 мировых имен в искусстве». М.: Классика, 2000. С. 5–20.
9. *Липатов В.С.* Краски времени. М.: Молодая гвардия, 1983. 320 с.
10. *Мартынов О.П.* Безоружная любовь. М.: Московский рабочий, 1989. 138 с.
11. Пикассо & Хохлова. Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. М.: ABCdesign, 2018. 160 с.

12. *Стендаль Ф.* О любви. М.: РИПОЛ классик, 2018. 396 с.
13. *Схейен Ш.* Дягилев «Русские сезоны» навсегда. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2014. 608 с.
14. *Singleton E.* Great Portraits, as Seen and Described by Great Writers. London: Forgotten Books, 2008. 460 p.

Приложение

Письма Аделаиды 1962–1963 гг. (с небольшими сокращениями)⁸

14 мая 1962

Мой милый, родненький!

Соскучилась безумно. <...> Если Наташа у вас появится, скажи ей, что я буду очень рада её видеть у себя на даче с Серёжей и с дочкой. Объясни ей, как проехать (она вообще собиралась ко мне). Не забудь ей сказать, что выходить надо на станции «Конев-Бор». Впрочем пусть даст телеграмму: каким поездом поедет и я её встречу.

Мой милый, мой милый, я что-то такая издёрганная, так рычу на всех. Хочу тебя видеть. Целую нежно.

5 августа 1962

Мой милый сегодня зашла на почту в надежде что-нибудь получить от тебя. Но тщетно — ничего не оказалось. Полагаю, что ты уже получил изрядное количество моих писем и мог бы уже всё уяснить себе и не дуться на меня. Поскольку ты мне не отвечаешь, я сделала вывод, что ты уже успел совершить ряд безумств, которыми гордишься. Вероятно, мне не следует тебе больше писать и тем более приезжать, как я собиралась. Если всё это не так, то позвони мне или телеграфируй. <...>

10 августа 1962

...Родной мой, что это ты выдумал, что я будто уезжала холодная и нелюбящая от тебя. Милый, милый, в тот момент я была такой грустной, так сердце сжалось, так не хотелось от тебя уезжать. Я очень боялась выдать себя перед Б.Ф.⁹ и Димой. Мне было так тяжело. Разве ты не знаешь, не понимаешь, что ты моё сердце, моя жизнь, что встреча с тобою самый светлый праздник в моей жизни, что я не живу, когда не вижу тебя! Разве ты не чувствуешь, что мысленно я всё время с тобою, что я так много думаю о тебе, что ни на что другое не остаётся времени!

⁸ Письма публикуются с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

⁹ Борис Федорович Поршневу — мой отчим.

Сейчас вернулись домой после утомительного дня. Уже одиннадцатый час. В квартире — никого, но со мною твои письма и чувствую, что ты думаешь сейчас обо мне, любишь меня и мне так тепло. Я не чувствую себя одинокой.

Мой милый, моё счастье, целую тебя нежно, не выдумывай глупостей, я так тебя люблю.

13 августа 1962 (?)

Мой милый, получила от тебя две открытки в суровом дидактическом стиле. Хочу и я тебе предъявить небольшой счёт.

Жизнь научила меня снисходительности и терпимости. В моём отношении к тебе хватает и того, и другого, потому что я очень сильно люблю тебя, хотя многое в тебе не приемлю и не понимаю. Но самая неприятная для меня черта в тебе — это твоя не брезгливость в твоих отношениях с женщинами. Это то, чего я не могу тебе прощать. Как можешь ты, любя меня, вести себя так с другими женщинами, что они начинают на тебя кидаться?! Как это отвратительно. Вот уж дурной стиль — в полном смысле этого слова! Подобным поведением ты можешь нанести смертельную рану моей любви — и от этого будет очень тяжело не только мне, но и тебе.

Заклинаю тебя, храни в чистоте свою любовь ко мне, не совершай ничего такого, что могло бы больно поранить меня и разбить то, чем мы оба с тобой так дорожим.

Мне очень тяжело и я грущу ужасно. Мне всё кажется, что ты меня меньше любишь. Находясь в плохом настроении, я прокручивала все события 2-х последних недель и с горечью пришла к выводу, что любовь твоя, если она и существует, не способна ни на какие жертвы. Не представляю себе, чтобы я не откликнулась на такой призыв и на такие просьбы о твоём приезде, которые содержались в моих письмах к тебе. Значит я тебе безразлична, если ты остался глух и нем к моим мольбам. Ведь ринулась же я, бросив работу в самом разгаре и пренебрегая страхом перед разоблачением, уехала к тебе (пусть даже на несколько часов).

Боже мой! Неужели же ты не мог этого сделать?! Значит не хотел и не любил.

Как я могла бы оставить без внимания твою телеграмму, в которой ты просил бы немедленно позвонить?! Однако ты и тут остался верен себе. Ты решил, что один день ничего не значит. Совсем как по Лермонтову «Пускай она поплачет, ей ничего не значит». А знаешь ли ты, что я пережила за этот день! Какой ад! Тебе даже трудно сходить и купить конверты и ты пишешь мне небрежные отговорки. Последнее — мелочь, разумеется, но очень характерная.

Мне что-то так плохо, как давно не было. Напиши мне подробнее о своих настроениях. Пойми, что я люблю тебя и это на всю жизнь. Не пользуйся этим, чтобы мучить меня.

Целую тебя

16 августа 1962 (1)

...Вчера звонила мне Женя. Спрашивает: «Очень скучаешь?». Я говорю — «Очень». — «А он?». — «Тоже». — «Почему ты к нему не поедешь? Ну, хочешь я для прикрытия поеду с тобой?». Я отказалась. Боюсь, что это прикрытия тебе не доставит удовольствия. Но её добрый порыв я, разумеется, оценила.

Милый мой, любимый. Я всё время с тобой. Мысленно веду нескончаемые беседы. Делюсь с тобой всеми мыслями об искусстве, об увиденном или прочитанном. Ты мне самый близкий и родной. Люблю тебя, хочу к тебе. Приезжай.

16 августа 1962 (2)

Мой милый, моё счастье! Это уже второе письмо за сегодняшний день. Я что-то совсем схожу с ума. Что это со мной творится? Может быть я потому так безумствую, что ты обещал приехать в четверг? Я вздрагиваю при каждом телефонном звонке. Несколько раз звонила в вашу пустую квартиру.

Занималась всё утро всякими хозяйственными делами и мечтала о тебе, как девчонка. Несколько раз смотрела на себя в зеркало. Мне кажется я подурнела от тоски. Но это до нашей первой встречи. Я хочу только для тебя быть красивой. Родной мой, я так люблю тебя. Рядом с тобой я такая счастливая, такая окрылённая (что-то наподобие Ники Самофракийской). Меня с ней роднит одна общая беда — обе мы уже давно потеряли свои головы. Это серьёзное несчастье.

17 августа 1962

Моя радость, мой любимый! Все время вспоминаю вчерашний день, проведённый с тобой, и думаю о тебе с такою нежностью и любовью. Почему мы должны быть врозь, почему должны разлучаться и тосковать друг о друге?! Почему я должна была уехать от тебя, которого люблю безгранично! Всё это такая нелепость! Сердце разрывается от тоски и боли. Мне хорошо только с тобой, я хочу быть с тобой всё время и не страдать от постоянных разлук. Мой родненький, был ли ты счастлив вчера со мною? Так же ли ты тоскуешь обо мне, как я о тебе?

Сегодня пришло письмо из Тарусы. Воспитатели пишут, что пребывание детей в Тарусе продлевается до 20 сентября. 25-го — родительский день. Если Б. уедет (как предполагает) 29 августа за границу, то я смогу пожить с тобой неделю в Соколовой Пустыне, а потом забрать Альбину до окончания срока и поселиться с ней на даче или поехать на юг.

От мысли, что мы будем вместе, у меня кружится голова. Я люблю тебя безумно. Не разлюблю меня — это меня убьёт. Пиши мне, моё счастье. Целую тебя нежно и обнимаю.

18 август 1962

Мой милый, мне кажется никогда ещё не была я так одинока, как в этот праздничный вечер. Я сижу одна на кухне. Небо озаряется вспышками ракет. Я не люблю самолёты — всё это давно надоело, но мне почему-то грустно, когда ракеты, после ослепительного подъёма, падают и гаснут, исчезают в крошечной мгле. Не чувствую я в своей душе «праздничного ликования». Твоё письмо, полученное сегодня, обдало меня холодом. Милый, почему мне кажется, что ты немножко разлюбил меня? У меня такое чувство, что ты увяз в дачных друзьях. Полстраницы письма посвящены описаниям душераздирающих событий в семьях твоих «дам». Я не хочу знать об этом. Не хочу знать, что ты видишься с Графиной. Это причиняет мне такую боль, что, если бы ты мог это почувствовать, ты бы не стал так меня огорчать. Напиши поскорее, что любишь меня по-прежнему, я так хочу услышать это снова! Мне так невыносимо тяжело. Я люблю тебя — мне нечего к этому добавить. Не могу ничего больше писать. Не забывай меня.

20 августа 1962

Милый мой, любимый, спасибо тебе за чудные, безумные письма. Я как только вернулась сегодня с дачи, сразу же завела машину и помчалась на почту. Девушка на почте уже знает меня, мы здороваемся и она не спрашивает мой паспорт. Если письма нет, то она грустно качает головой и говорит: «Нет, вам ничего нет». А сегодня она улыбнулась и подала мне целых 5 писем. Какой-то дядя, стоявший за мной, сказал: «Вот это да!». А я, схватив письма, быстро пошла к машине и, вероятно, очень глупо сияла по дороге. Милый, я так грустила, так мне хотелось услышать снова, что ты любишь меня! Сейчас после того, как я прочла сто раз твои письма, у меня такое чувство, что мы только что были вместе. Сердце так оттаяло, так мне тепло! Во всяком случае завтра я знаю, что смогу работать, а то никакая работа на ум не шла. И пусть дождь идёт, пока ему не надоест это занятие — он мне не мешает радоваться. Я как Бесприданница могу повторять: «Так Вы меня ещё не забыли? Так Вы меня ещё любите?!». <...>

21 августа 1962

Моё счастье, мой любимый, только что вернулась домой. Я так привыкла к тишине, мне так хорошо сидеть одной на кухне и перечитывать твои письма! С ужасом думаю о возвращении наших (которое уже не за горами).

Сегодня, как и вчера, всё время лил дождь и низкие осенние тучи затянули всё небо. В конце дня я прилегла ненадолго в мастерской на антресолях, а когда открыла глаза, увидела, что всё вдруг мгновенно преобразилось. Тучи унеслись куда-то, сияло ослепительное солнце — такое же, как в том сне, который я тебе описывала в предыдущем письме. Мне казалось, что сон мой (такой глупый, смешной) продолжается, т.к. я лежала на диване наверху и подставляла солнцу своё лицо, только тебя не было со мною, мой милый.

Я работаю через силу и у меня нет того захватывающего интереса к работе, который обычно обеспечивает успешное завершение её.

Сейчас только что (пока я всё это тебе писала) позвонила неожиданно бабушка. Она истерическим голосом сообщила мне, что она с Альбиной в Москве, что Альбину укусила собака. У меня сердце оборвалось. Затем из её путаных объяснений я поняла, что собака соседская, а врач (она звонила из больницы Склифосовского) сказал, что укус не сильный. Боже мой, у меня руки до сих пор трясутся, хотя, кажется, всё это не так страшно. Сейчас бабушка привезёт Альбину. Прости, не могу ничего больше писать. Люблю тебя, целую.

22 августа 1962

<...> Каждый раз, когда я подхожу к телефону, я думаю — а вдруг это ты.

Дима предлагает поехать к тебе и спрашивал — как я? Но, во-первых, поездка в воскресенье для меня исключена (в воскресенье Кирилл с Тамарой заваливаются ко мне на дачу). Кроме того, (и это главное) — я не хочу ехать к тебе с Верой вместе. Это совершенно невозможно, ты сам это понимаешь. Милый, милый, я хочу приехать к тебе одна. Ну потерпи ещё немножечко, не сердись на меня, не огорчайся так безумно! Я приеду в конце месяца, родной мой, мы будем вместе.

Люблю тебя как помешанная, ни о чём не могу думать, никого не хочу видеть. Целую тебя, мой милый, мой ненаглядный.

Без даты, по-видимому, 1 сентября 1962

Моё счастье, мой любимый, никак не могу прийти в себя после свидания с тобой и ощущения полного счастья, к сожалению, такого короткого. Между тем события разворачиваются довольно стремительно. Прошло несколько часов, как я вернулась домой и сижу на Казанском вокзале в ожидании поезда на Голутвин. Оказывается, меня неоднократно проверял по телефону родственник Б. Сестра врала как умела. Очень боюсь ехать на дачу — жду ужасных сцен.

Всё расплывается под дождём (это ещё не слёзы, но они будут).

Любимый, мне было так хорошо с тобою, что мне теперь все равно, какая будет расплата. Так бесконечно грустно было оставлять тебя. Люблю тебя бесконечно, навсегда.

Целую нежно. Не грусти, не печалься слишком сильно. Приезжай, если будет возможность.

2 сентября 1962

Милый, любимый, ненаглядный мой, не могла выбрать сегодня ни минуты, чтобы написать тебе, т.к. бабушка следила за мной как «Недрёманное Око». Сейчас все заснули. Воскресный вечер кончился. На даче так тихо! Но эта тишина наполнена тобою. Я слышу твой голос, вижу твоё лицо — то безумно счастливое, то бесконечно несчастное. Милый, что это такое

за безумие?! Я так думаю о тебе, так схожу с ума. В водовороте всяческих домашних дел я вдруг останавливаюсь, поражённая невероятным ощущением счастья, которое налетает на меня, как вихрь. Я чувствую себя такой молодой и счастливой. Соседка, к которой я забежала сегодня на минутку, сказала мне: «Ты стала совсем девочкой». Милый, чудный мой, мне так больно думать, что ты чувствуешь себя несчастным, что ты страдаешь. Я сейчас не чувствую боли – это придёт позднее. Сейчас я как кинорежиссёр за монтажным столом просматриваю плёнки, склеиваю, собираю их, вырезаю неудачные места (всякие глупые сцены с тётей Настей и Прасковьей¹⁰ и т.д.). Я только сейчас начинаю понимать, какая всё это чепуха — эти бабьи истерики — и какое большое счастье было видеть тебя, быть с тобою.

Сегодня нашла на участке 12 чудесных подберёзовиков. Смешно, что теперь даже грибы напоминают мне о тебе. Когда я жарила их, я вспомнила, как мы с тобою вчера завтракали вдвоём — ели грибы и запивали их вермутом и у тебя было такое счастливое лицо. Милый, родной, напиши мне, чем кончились все скандалы: укрощена ли тётя Настя, что Прасковья?

Напиши мне, как себя чувствует Наташа, которую я очень полюбила, и как поживает мой милый маленький поклонник. Поцелуй их от меня.

Целую тебя нежно, любимый мой. Всё время думаю о тебе, всё время с тобою.

3 сентября 1962

Милый, милый, снова включаюсь в трудовую жизнь. Сегодня вернувшись с дачи, уже успела побывать в мастерской и даже начала одну давно задуманную композицию. Дни, проведённые с тобою, кажутся сном. Думаю о тебе всё время. «Ещё томлюсь тоской желаний, ещё стремлюсь к тебе душой... и т.д.» (см. об этом у Тютчева).

Милый, в самом деле, дни эти промелькнули как сон и в памяти осталось твоё невозможно печальное лицо, когда ты сидел на перроне. Родной мой, не убивайся так. Ты ведь всегда можешь приехать на один день в Москву.

Ещё чувствую на себе тепло и ласку твоих рук и стараюсь отогнать эти воспоминания, парализующие мою волю. Буду трудиться, чтобы замолить свои грехи.

Завтра годовщина моего счастья и моего позора. Помню так отчётливо этот день. Быть может для тебя и для меня лучше было б, если бы этого не случилось. Но поздно говорить теперь об этом. Видимо это было неизбежно. Так всё запуталось, так тяжело и грустно. Бьюсь как подстреленная птица. Знаю, что за короткие минуты счастья буду расплачиваться

¹⁰ Я жил летом в деревне Соколова Пустынь на реке Оке, где меня навещала Ада. Хозяйка съёмного дома тётя Настя и наша домработница Прасковья назойливо меня опекали, непрерывно молились и кликушествовали.

«слезами и тоской». Безвыходная и безнадежная ситуация а la «Дама с собачкой».

...

Целую тебя, милый мой. Не забывай меня. Люблю тебя.

5 октября 1962

Мой милый, мой родной, пишу тебе обещанное письмо. Разумеется, глупо писать, зная, что через 2 дня вернешься, но я делаю ради тебя эту далеко не первую глупость. Пишу тебе в поезде — поэтому все буквы прыгают как сумасшедшие. Так грустно и тяжело каждый раз бывает расставаться с тобой. Мне так хотелось, чтобы твоя рассеянность подвела тебя и ты бы незаметно для себя уехал бы со мной! Моё солнышко! Люблю тебя очень, очень сильно. Разве ты не чувствуешь и не видишь этого. Мне кажется такой нелепой твоя ревность — ведь я-то знаю, как сильно я тебя люблю. Сейчас уже поезд подходит к Коневу-Бору. Целую тебя нежно, нежно, мой ненаглядный.

15 октября 1962

Мой любимый, моё счастье, мой ненаглядный! Снова пишу тебе с дачи и в памяти снова встают все недавно пережитые ужасы. За те два дня, что я прожила здесь вдвоём с Альбинкой, я понемногу начала приходить в себя. Мне казалось в последние дни, что я на грани сумасшествия. Бесконечные сцены, выяснения, вопросы — всё это доконало меня совершенно. В этой ситуации бегство на дачу — это было, быть может, самое разумное.

Правда, тоскливо видеть, как осыпаются последние листья с деревьев и как заколачивают дачи вокруг, но это так подходит к моему теперешнему настроению, что лучше и не придумаешь. Всегда с наступлением осени меня охватывает гнетущая тоска. Каждый раз я как будто теряю веру в возможность счастья, в существование каких-либо радостей в жизни. В этом году это чувство неизмеримо сильнее обычного. Это уже какая-то безнадежность.

Не думай, что я потеряла веру в твою любовь или разлюбила тебя. Мой милый, я люблю тебя так сильно, так безудержно, так глубоко как никогда. Я люблю тебя наперекор всему. Я никогда не разлюблю тебя, я осознала сейчас всё это особенно ясно, быть может потому, что нашей любви грозит серьёзная опасность и большие испытания. Я об одном молю тебя — не разлюби меня.

Я вернусь в четверг (Б. обещал забрать во вторник, но прислал сегодня телеграмму, что приедет в четверг) — быть может это и лучше, если не считать того, что я смертельно соскучилась по тебе. Мой любимый, я обожаю тебя, думаю о тебе всё время с такой нежностью, тоской и тревогой! Мне очень, очень тяжело, мой милый, мой любимый.

Целую тебя нежно.

*P.S. Уничтожь все мои письма и конверты от них (это сейчас очень важно)*¹¹.

Без даты, по-видимому, октябрь 1962

Любимый мой, родной! Сегодня с утра на даче дождь. Мы с Альбинкой сидим на веранде и дрожим от холода. Она в пальто и платочке на голове похожа на нахохлившего воробушка. Неужели это уже осень! Лета у меня в этом году не было — а ведь зимой я так ждала его! Чувствую себя скверно и настроение соответствующее. Когда ты уезжал в Соколову Пустынь, я была так измучена тем, что произошло в нашей семье и так утомлена твоей болезнью, что мне казалось — я немного отдохну и поработаю. Я знала, что буду тосковать без тебя, но очень рассчитывала на то, что работа поможет мне с этим справиться. Но, милый, ничего из этого не вышло. Тоска по тебе подтачивает меня изнутри как болезнь. Я не знаю ни минуты покоя. Навязчивая мысль увидеть тебя поскорее преследует меня как зубная боль и давит как кошмар. Я, видимо, не рассчитала свои силы.

Это нервное возбуждение может слегка успокоить только Альбина. Утром она забралась ко мне в постель ещё сонная, тёплая и румяная. Мы лежали и болтали с нею. Мне было так тепло около неё. Потом я встала, и всё началось сначала. Сегодня в 2 часа поеду в Москву. Я только и думаю о том, чтобы поскорее попасть на почту.

Прощай, мой любимый. Скоро ли мы увидимся? Любишь ли ты меня, помнишь ли? Люби меня, я так в этом нуждаюсь.

21 декабря 1962

Счастье моё, мой любимый, вот уже я и в Одессе. Сейчас уже 1 час ночи и я пишу тебе лежа в постели после душа. Дорога прошла немного томительно. Во-первых, было очень холодно в вагоне. Особенно ночью. Нос никак не мог согреться (может быть потому, что так привык к теплу твоих рук, к тому, что они его всё время тискают и тормозят).

В Одессе значительно теплее, чем у нас в Москве. Уже легче дышать. Но я всё ещё никак не могу осознать, что еду в Египет, что я увижу Афины и Стамбул!

У нас с Таней чудный номер в гостинице «Красная». Я наслаждаюсь сейчас полным отдыхом. Только так грустно вспоминать московские прощания. У тебя было такое убитое горем лицо, как будто я умираю. А Альбина! Как она плакала бедняжка! Так волнуюсь за вас, за тех, которые меня любят и которые мне дороже всего на свете.

¹¹ По поводу просьбы уничтожить письма, я подозреваю, что Барон пригрозил ей, что направит ко мне знакомых милиционеров, которым он платил, чтобы они закрывали глаза на его бешеную езду на машине. Но я в это не верил. Я считаю, что «гений и злодейство — две вещи несовместные», и был уверен, что Барон этого не сделает. Я не уничтожил письма, но спрятал их так, чтобы никто не мог их найти.

Милый мой, родной! Не грусти — мы скоро снова будем вместе. А сейчас подумай, сколько интересного мне предстоит увидеть, и пора-дуйся за меня.

Целую тебя нежно, думаю о тебе постоянно. Не разлюби меня, мой милый. Целую тысячу раз мои милые любимые глаза и переносицу. Тань-ка мне не даёт писать — всё время треплется и мешают. Прощай, мое сча-стье. Хочу, чтобы ты мне приснился.

24 декабря 1962

Ок. 19 (23-го) подошли к Варне. Варна нас не принимает. Туман. Бол-таемся в море, многих укачало.

По-прежнему болтаемся в море около Варны. Возили нас в город на катере.

Чудный цвет моря. Солнце просвечивает сквозь тучи. Необычная кра-сота всего порта. Корабли и море, как у Марке (серо-зелёный цвет воды и тёмно-серые корабли). Горы невысокие и мягких очертаний. Сама Варна с её узкими улочками и маленькими желтоватого тона домами чем-то на-поминают Ялту.

Жуткий пронизывающий ветер испортил прогулку, которую мы совер-шили по городу пешком.

Мы всё ещё стоим, хотя уже 16 ч. по судовому времени. Ждём ответа из Одессы, на запрос капитана, можно ли нам идти с опозданием на 1 сут-ки, т.к. от этого зависит, увидим ли мы Стамбул и Афины днём. Тоска и грусть необычайные. Грущу без тебя необыкновенно. Вчера пили с кора-бельным командованием и киевлянами. Тоска по Альбине (на теплоходе много детей).

2 января 1963

Уже 63-й год! Что он принесёт мне?

Вчера в 19 ч. садились на теплоход в Александрию. Общая радость при виде нашего «Феликса». Команда встретила очень приветливо. Почув-ствовали себя дома.

Сегодня сильно качает, но день чудесный, солнце такое приветливое! Сейчас сижу на корме в плетёном кресле и наслаждаюсь теплом. Хорошо бы если б поменьше качало.

Море очень тёмного цвета — ультрамарин. Средиземное море! Могла ли я мечтать об этом! Греюсь на солнце и с нежной тоской думаю о тебе, мой милый. Как всё будет дальше? Надо что-то решать. Никогда не забуду страшную ночь в поезде, когда мы ехали в Луксор. Плакала всю ночь. Так больше невозможно.

Примечание

Я знал, что Аделаида собирается в поездку в Египет, на Нил, в Луксор (столицу древнего Египта — Фивы), и много раз читал ей два стихотво-рения, которые помнил с детства. Одно из них — стихотворение Н. Гуми-лева «Константинополь», второе — пародия на Пушкина про Нил. Видя,

как она молилась в Елоховском соборе и зная её склонность к покаянию, я пытался этими стихами развлечь её. Могу предположить, что она их вспоминала в поездке, подумала, что на Востоке неверность карается более жестоко, чем в Европе, и это могло подействовать на её настроение. Вот так начинается стихотворение «Константинополь»:

*Ещё близ порта орали хором
Матросы, требуя вина,
А над Стамбулом и над Босфором
Сверкнула полная луна.
Сегодня ночью на дно залива
Швырнуть неверную жену,
Жену, что слишком была красива
И походила на луну.*

И вот такая пародия на Пушкина:

*Прибежали в избу дети
Фемистокл и Феофил.
«Тятя, тятя, в наши сети
Замотался крокодил».
Устремился тятя к Нилу.
«Если это только миф,
Если нету крокодила,
Пропишу вам иероглиф».
Шесть босых и жёлтых пяток
Мокрый вздыбили песок.
На версте примерно пятой
Бедный тятя вовсе взмок.
Сквозь безлюдную пустыню
Протекал пустынно Нил.
Прибегают, видят — стынет
На песочке крокодил.
Сквозь высокую осоку
Нил пленительный блестел.
Ветерок, летя к востоку,
Крокодилом шелестел.*

10 мая 1963

Счастье моё, мой ненаглядный! Расположилась в лесу (по дороге в Пески), чтобы написать тебе в спокойной обстановке. Бабушка всё время терзает меня бесконечными жалобами на своих детей, плачет и ни на минуту не оставляет меня одну. Я утешаю её, как могу, и даю сердечные капли и не менее сердечные советы. Но в общем, если бы не тоска по тебе, то жить можно. Природа сказочная. Солнце, которое я так люблю (а ты не любишь), греет так хорошо. Вечером за соснами показывается гигантская, как

заходящее солнце, луна и соловьи поют не умолкая. Полянки в лесу усыпаны фиалками, и ландыши уже набухают бутонны.

Милый мой, так томлюсь, так хочу к тебе! Бабушка сегодня уезжает в Москву (но т.к. у неё семь пятниц на неделе и она внезапно может раздумать и остаться, я боюсь давать тебе телеграмму). Приедет она завтра вечером. Родной мой! Как было бы чудно, если б ты приехал! А может быть всё-таки дать тебе телеграмму? Жду тебя ужасно, хочу обнять, хочу прижаться к тебе.

Вчера не сумела вечером написать тебе, т.к. устала безумно и к тому же электричество выключили. Так грустно было провести вечер при свечах. «У ложа моего печальная свеча горит». Совсем как у Пушкина. Долго лежала без сна и думала о тебе с бесконечной нежностью. Родненький мой, ты меня не забыл? Приезжай с Димой или Кусевицким. Б. до четверга не появится.

11 мая 1963

Мой милый, мой родненький. Я, наконец, осталась одна. Бабушка уехала после долгих колебаний сегодня утром в Москву и вернётся лишь к вечеру. Сейчас я отдыхаю предельно хорошо. Так тихо. Только тоска по тебе ещё острее и ожидание становится почти невыносимым. Я устала от бабушкиной ужасной привычки думать вслух и в течение этих двух дней, что мы провели с ней вместе, голова моя распухла от той чепухи, которую она мне всё время выкладывает. Сейчас всё хорошо. Впереди целый день полного покоя. <...>

Милый, милый! Если бы ты только знал, как мне тебя не хватает. Моё чувство к тебе так велико, это такое счастье, что я давно уже перестала ему сопротивляться и живу только им. Я так верю в твою любовь, мой милый! Несмотря на всякие мелкие огорчения и обиды, я не могу представить, что ты принесёшь мне несчастье. Несмотря на всевозможные предостережения, я доверяюсь тебе полностью, мой милый. Ну, довольно об этом.

Когда же я увижу тебя? Если бы ты приехал сегодня! Целую тебя нежно.

(Если ты не приедешь сегодня или завтра, то в среду под любым предлогом я приеду в Москву.) Позвони сестре. Может быть, ты приедешь с ней в следующую субботу? (Бабушка, вероятно, поедет на день рождения старшего сына.)

1 августа 1963

Мой любимый, Моё счастье! На меня напала такая тоска по тебе, что просто ничего не могу делать. Так смертельно хочу тебя увидеть, быть с тобою!

Зайду сейчас на почту, но, вероятно, там ничего нет. Хоть бы письмо от тебя получить! Всё-таки на минутку показалось бы, что ты здесь рядом со мною и стало бы легче. Так грущу и тоскую, как никогда ещё не тосковала. Мечтаю, чтобы Б. поскорее уехал, тогда бы я отправилась к тебе дня

на два, даже если бы работа не была ещё закончена. Я не могу без тебя жить. Мой милый, мой любимый! Пиши мне, я тебя умоляю. Не могу больше писать — такая тоска! Люблю тебя на всю жизнь, моё счастье. Это всё так безнадёжно, беспросветно. Очень, очень тебя люблю. Скоро будет 2 года как мы вместе. А я люблю тебя всё сильнее — что это такое! Жить врозь больше невозможно. Такая боль в сердце! Целую тебя нежно, мое солнышко. Не разлюби меня.

1/8 P.S. Поставила дату на письме и с грустью подумала, что лето уже кончается. Хочу к тебе.

19 августа 1963

Мой любимый, мой дорогой! Я снова в Москве и снова в мастерской. Завтра, вероятно, начнут формировать консоль. Думаю только о том, как бы поскорее тебя увидеть, ничего другое не лезет в голову. Если бы было можно, завтра же поехала бы к тебе. Люблю тебя бесконечно и тоскую ужасно. Всё вспоминаю минуты нашей близости и чувствую на себе тепло твоих рук и губ. Хочу прижаться к тебе так, чтобы «земля плыла». <...>

29 сентября 1963

Мой милый, моя радость, солнышко моё! Так бесконечно грустно было расставаться с тобою! Но на сердце сразу теплеет, когда я вспоминаю последний день, проведённый с тобой и твою влюбленность и твою нежность. Ты был такой безумно счастливый, что я радовалась, глядя на тебя, и мне было так хорошо!

Мой родненький! Сегодня снова чудесно светит солнце и так легко дышится. Хорошо ли тебе там, в твоём пансионате, к которому я отношусь с таким недоверием? Любишь ли ты меня, вспоминаешь ли? Чувствую к тебе такую любовь и нежность! Не разлюби меня, будь мне верен. Я живу только тобою.

Сегодня дала себе ещё один день отдохнуть, а завтра примусь за свой проект. Здесь сказочно хорошо и даже бабка присмирела. Мы с Альбинкой совершаем чудесные прогулки, и я открываю здесь всё новые и новые красоты. В этих прогулках ты постоянно со мною, мой милый, мой любимый.

* * *

Естественным продолжением нашего романа с Аделаидой стал роман её дочери Альбины с моим сыном Серёжей.

MAN IN THE WORLD OF ART

Viktor MASLOV

Doctor of physical and mathematical Sciences, Professor,
Academician of the Russian Academy of Sciences, honored Professor.
National research University Higher school of Economics.
20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation;
e-mail: vpmaslov@hse.ru

THE GENIUS OF THE ARTIST THROUGH THE PRISM OF HIS MODELS

The essay, which consists of two parts, analyzes the female images of two great artists Botticelli and Picasso. The essay has the character of an art history study with memoir interweaves.

In the first part, the author makes an attempt to decipher the genius of Botticelli using the technique of analyzing the prototype of the artist's heroine and comparing it with the image of a real woman, similar to the Botticelli model. The artist's genius is revealed through the type created by him, in a sense — invariant, of a beautiful woman, the spiritual and material image of which is repeated in reality. The energy of Botticelli's paintings, which is their secret, allowed the author to see in life a real copy of the artist's heroine.

Using the archive of preserved personal letters of a beautiful lady, as if she descended from Botticelli's paintings "Spring" and "The Birth of Venus", the author draws an analogy the epistolary legacy with cinema, when events are described not in strict chronological order, but rather individual important moments and experiences are highlighted and are scaled. According to the letters, the author reconstructs the character of his heroine and hypothetically transfers these character traits to the Botticelli model, about whose character there is almost no evidence left.

The second part of the essay is inspired by a photograph of Picasso's wife Olga Khokhlova, preserved in the personal archive of the author's friends. The author embeds his story about the muse and the great love of Picasso and about his other paradoxical models in the circumstances of his personal life, in the situation of his youth, comparing the revolutionary changes in art at the beginning of the XX century with the moods of the representatives of the artistic intelligentsia of the 70s of the past century. The heroines of Picasso and the strange interweaving of the fate of the participants in the author's narrative represent the content of this part of the essay.

Keywords: Botticelli, the genius of the artist, the artistic type, energy of the work, epistolary style, Picasso, Olga Khokhlova, evanescence, Natasha Tamruchi

References

1. Adamovich, G.V. “Z<inaide> G<ippius>” [Z<inaide> G <ippius>], in: G.V. Adamovich, *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete Collection of Poems]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., Ehl'm Publ., 2005, pp. 91. (In Russian)
2. Bal'mont, K.D. “Ya ne znayu mudrosti” [I Don't Know Wisdom], in: K.D. Bal'mont, *Sobranie sochinenii* [Collected Works], Vol. 2. Moscow: Knigovek Publ., 2010, pp. 30–31. (In Russian)
3. Beranger, P.-J. “Kak ona krasiva!” [How Beautiful She Is!], in: P.-J. Beranger, *Galantnye pesni* [Gallant Songs]. St. Petersburg: Vita Nova Publ., 2009, pp. 26. (In Russian)
4. Gracian, B. *Karmannyi orakul* [Pocket Oracle]. Moscow: RIPOL klassik Publ., 2018. 334 pp. (In Russian)
5. *Ispanskaya ehstetika: Renessans. Barokko. Prosveshchenie* [Spanish Aesthetics: Renaissance. Baroque. Enlightenment], ed. A.L. Shtein. Moscow: Iskustvo Publ., 1977. 695 pp. (In Russian)
6. *Istoriya krasoty* [History of Beauty], ed. U. Eco. Moscow: Slovo Publ., 2010. 440 pp. (In Russian)
7. Kuzmin, M. *Dnevnik 1934 goda* [Diary of 1934]. St. Petersburg: ID Ivana Limbakha Publ., 1998. 416 pp. (In Russian)
8. Lipatov, V. & Lipatova, E. “Sandro Botticelli” [Sandro Botticelli], *Botticelli. Al'bom. Seriya “Mir shedevrov. 100 mirovykh imen v iskusstve”* [Botticelli. Album. Series “The World of Masterpieces. 100 World Names in Art”]. Moscow: Klassika Publ., 2000, pp. 5–20. (In Russian)
9. Lipatov, V.S. *Kraski vremeni* [The Colors of Time]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1983. 320 pp. (In Russian)
10. Martynov, O.P. *Bezoruzhnaya lyubov'* [Unarmed Love]. Moscow: Moskovskii rabochii Publ., 1989. 138 pp. (In Russian)
11. *Pikasso & Khokhlova. Gosudarstvennyi muzei izobrazitel'nykh iskusstv imeni A.S. Pushkina* [Picasso & Khokhlova. The Pushkin State Museum of Fine Arts]. Moscow: ABCdesign Publ., 2018. 160 pp. (In Russian)
12. Scheijen, S. *Dyagilev “Russkie sezony” navsegda* [Diaghilev. “Russian Seasons” forever]. Moscow: KoLibri Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2014. 608 pp. (In Russian)
13. Singleton, E. *Great Portraits, as Seen and Described by Great Writers*. London: Forgotten Books, 2008. 460 pp.
14. Stendhal, F. *O lyubvi* [About Love]. Moscow: RIPOL klassik Publ., 2018. 396 pp. (In Russian)